

Лью Уоллес

БЕН-ГУР

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
У 63

Lew Wallace
BEN-HUR

Перевод с английского Валерия Кайдалова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации
Антония Стефански, Сигизмунда Ивановски,
Дэвида Робертса, Джеймса Тиссо и др.

Уоллес Л.

У 63 Бен-Гур : роман / Лью Уоллес ; пер. с англ. В. Кайдалова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 704 с. : ил. + вкл. (16 с.). — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26157-0

Наследнику княжеского дома Гуров выпала непростая судьба. Верный своему народу и Богу Израиля, Бен-Гур отказался поддержать друга детства, римлянина Мессалу, в борьбе с непокорной Иудеей. За это он на долгие годы оказался прикован к веслам на галере, его мать и сестра были брошены в подземелья страшной Антониевой башни, а дом и богатства семьи конфискованы в императорскую казну.

Но есть сокровища, которые не в силах отнять мстительный враг. Верность, доблесть, милосердие и сила духа. Бен-Гур пройдет путь галерного раба, гладиатора, военачальника и защитника Христа, познает цену страстям, найдет настоящую любовь и истинную веру и возродит из праха свой дом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. Д. Кайдалов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26157-0

Бен-Гур — потомок знатного иудейского рода — был предан другом-римлянином. Пройдя через горнило испытаний, юноша превратился в закаленного мужа, но сердце его осталось любящим и нежным. Бен-Гур уверовал в Христа и собрал легион, чтобы защищать Спасителя от Рима, но не ожидал князь, что сами иудеи будут кричать: «Распни Его!»

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1 В пустыне

Джебель-ас-Зублех — это гора длиной миль пятьдесят, столь узкая, что ее изображение на карте напоминает гусеницу, ползущую с юга на север. Если стоять на ее красно-белых скалах лицом к восходящему солнцу, то перед смотрящим расстилается Аравийская пустыня, по которой от начала времен носятся восточные ветры, столь ненавидимые виноградарями Иерихона¹. Подножие горы засыпано глубокими песками, принесенными из-за Евфрата, а на западе, защищенные, как стеной, горой Джебель, лежат пастбища стран Моаб и Аммон — земель, которые некогда тоже были частью пустыни.

Арабский язык господствует на всем пространстве южнее и восточнее Иудеи; согласно ему, старик Джебель приходится отцом всем вади, сухим руслам речушек, которые, пересекаемые построенной римлянами дорогой — ныне бледным подобием того, чем она была когда-то, ставшей всего лишь пыльным трактом для сирийских паломников, бредущих в Мекку и обратно, — в дождливый период наполняются бурными потоками воды, несущимися в Иордан и дальше, к своему конечномуместилищу, Мертвому морю. По одному из таких вади, начинавшемуся от самой оконечности Джебеля и, даже вытягиваясь с востока на север,

становящемуся руслом реки Джаббок, двигался путешественник, направляясь к пустынному плато. Да остановит же читатель свое внимание на этом человеке!

Судя по виду, ему было около сорока пяти лет. В бороде его, некогда жгуче-черного цвета, широкой волной спускающейся на грудь, просвечивала седина. Лицо цвета хорошо прожаренного кофе скрывала красная кейфие (как ныне называют эту головную накидку дети пустыни), позволяя видеть лишь его небольшую часть. Одет он был в просторный балахон, столь распространенный на Востоке; над головой его был натянут небольшой навес, укрепленный на седле белого одногорбого верблюда. Время от времени путешественник поднимал к небу большие темные глаза.

Чрезвычайно сомнительно, мог ли когда-нибудь человек Запада преодолеть изумление, производимое на него видом верблюда, снаряженного и навьюченного для путешествия по пустыне. Привычка, столь губительная для других свежих впечатлений, в данном случае не срабатывала. Даже в конце долгого путешествия с караваном, после многих лет, проведенных бок о бок с бедуинами, рожденный на Западе человек застывал на месте при виде гордо шествующего животного. Очарование крылось отнюдь не в его фигуре, которую даже любовь не могла бы увидеть прекрасной; не в его движениях, бесшумной поступи или мерном покачивании. Подобно тому как море благоволит кораблю, так и пустыня была расположена к этому созданию. Она облакала его во все возможные покровы тайн, заставляя нас, смотрящих на него, думать только о нем: вот оно, истинное чудо. Животное, которое ныне поднималось из вади, вполне могло вызвать искреннее восхищение. Его масть и рост, ширина ступней, массивное тело, не отягощенное жиром, но бугрившееся мышцами; голова, широкая в лобной части; длинная изящная шея, своим выгибом напоминавшая лебединую, столь тонкая, что на ней вполне можно было бы застегнуть женский наручный браслет; шаги, длинные и упругие; уверенная и бесшумная поступь — все указывало на бесценную сирийскую кровь, восходящую ко дням самого Кира². На животном была обычная упряжь, отделанная алой бахромой, спускавшейся на лоб, с бронзовыми цепочками на груди, оканчивающимися позвякивающими серебряными колокольчиками; поводья отсутствовали. Устройство на спине вер-

блюда принадлежало к числу тех, которые могли бы прославить его изобретателя, если бы он не принадлежал к сонму безвестных восточных мудрецов. Оно представляло собой два деревянных ящика, едва ли четырех футов в длину каждый, висевших по обеим сторонам тела животного; все пространство между ними было устлано мягкими тканями и накрыто ковром так, что хозяин верблюда мог сидеть или полулежать. Над этим сооружением был натянут зеленый полог. Широкие ремни, охватывавшие туловище животного и соединенные бесчисленными узловатыми веревками, удерживали сооружение на месте. Таким образом искусные сыны Востока ухитрялись с достаточным комфортом путешествовать по сожженным солнцем диким просторам как по делам, так и ради удовольствия.

Взобравшись на последнюю террасу вади, путешественник и дромадер пересекли границу страны Аль-Белка, античного Аммона. Стояло раннее утро. В небе, подернутый дымкой, висел красный диск солнца; под ним раскинулась пустыня, но не царство движущихся песков — оно лежало дальше, — а то пространство, где трава и кустарники постепенно сходили на нет; где поверхность земли была покрыта гранитными валунами, а серые и коричневые камни перемежались чахлыми кустиками акации и пучками верблюжьей колючки. За спиной путника остались словно бы сжавшиеся от страха перед грядущей пустыней небольшой дубок, кустики ежевики и земляничное дерево, символы границы зеленого мира.

Здесь обрывались все дороги. Куда более, чем раньше, стало казаться, что кто-то незримо управляет верблюдом; тело его вытянулось вперед, он ускорил шаги; голова животного была направлена прямо к дальнему горизонту; широкие ноздри мощно втягивали воздух. Паланкин на спине раскачивался, поднимаясь и опускаясь, как лодка на волнах. Под ногами верблюда похрустывали случайные сухие листья. Иногда в воздухе разливался сладковатый запах полыни, проносились жаворонки и чеканы. Из-под ног, посвистывая и кудахча, прыскали в стороны белые куропатки. Редкое появление лисы или гиены заставляло животное ускорять шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии. Справа возвышались холмы Джебеля, покрытые перламутровой дымкой, ставшей моментально алой, как только ее коснулись лучи солнца. Над самыми высокими пиками парили грифы, описы-

вая широкие круги. Но путник под зеленым пологом не видел всего этого или по крайней мере не подавал никакого знака, что видит окружающее. Взор его, мечтательный и отсутствующий, был устремлен в одну точку. Похоже было на то, что человеком, как и верблюдом, незримо кто-то управляет.

Два часа, не уменьшая шага, дромадер двигался вперед, следуя точно на восток. За все это время путешественник не изменил позы, даже не бросил взгляда вправо или влево. Расстояния в пустыне измеряются отнюдь не милями и не лигами, но саатами, или часами, и манзилями, или переходами: в первом отрезке три с половиной лиги, во втором — от пятнадцати до двадцати пяти лиг; но такова уж обычная норма для верблюда. Животное же истинной сирийской породы с легкостью покрывает три лиги. Идя полным галопом, оно обгоняет даже пустынный ветер. В результате такого быстрого передвижения облик окружающей местности стал изменяться. Джебель отступил к западному горизонту, вытянувшись вдоль него подобно бледно-голубой ленте. По сторонам стали появляться холмы, сложенные из глины и уплотненного песка. Грунт прорывали круглые базальтовые глыбы, авангард гор, высланный ими на равнину; все остальное пространство занимал песок, то ровный, как на приморском пляже, то вздымающийся пологими горками, то вытянувшийся длинными волнами. Стал другим и воздух над пустыней. Высоко поднявшееся солнце выпило из него всю утреннюю влагу и раскалило ветер, овевающий путника; залило молочно-белой краской землю пустыни, заставило светиться все небо над нею.

Еще два часа прошли без остановок или изменений направления движения. Растительность совсем исчезла. Песок, хрустевший под ногами животного при каждом шаге, заполнил все вокруг. Джебель скрылся вдаль, глазу было не за что зацепиться как за ориентир. Тень, до этого покорно следовавшая за путником, развернулась к северу и сжалась, превратившись в пятнышко у самых ног верблюда. Поскольку не было ни малейшего намека на грядущую остановку, поведение путешественника с каждой минутой казалось все более странным.

Следует заметить, что никто из живущих в пустыне не относится к ней легкомысленно. Жизнь и дела заставляют пересекать ее по тропам, рядом с которыми немим предупреждением путникам то и дело можно видеть кости существ, двигавшихся по ним.

Тропы эти тянутся от одного источника до другого, от пастбища к пастбищу. Сердца самых опытных жителей пустыни начинают биться чаще, когда они оказываются в одиночестве вдали от торных путей. Поэтому человек, о котором мы ведем речь, не мог странствовать просто ради удовольствия, хотя по манере поведения не походил и на беглеца. В подобных ситуациях страх и любопытство становятся самыми обычными чувствами; путник же явно их не испытывал. Если человек странствует в одиночестве, он рад любому спутнику; собака становится лучшим другом, лошадь — верным товарищем, и нет ничего стыдного в том, чтобы приласкать их или обратиться к ним со словами любви. Но ничего подобного не перепало верблюду — ни ласкового слова, ни прикосновения.

Ровно в полдень дромадер по своей собственной воле остановился и испустил хриплый рев, которым эти животные обычно выражают свой протест против чересчур тяжелого груза, требуют внимания к себе или отдыха. Поэтому его хозяин вернулся к действительности, очнувшись от своей дремоты. Он откинул полог своего хоуда, бросил взгляд на солнце, долго и тщательно всматривался в пространство по обе стороны от направления движения, словно пытаясь узнать некое условленное место. Видимо, осмотр его удовлетворил, ибо он глубоко вздохнул и кивнул головой, словно говоря самому себе: «Ну наконец-то, наконец!» Минутой спустя он скрестил руки на груди, склонил голову и вознес молчаливую молитву. Свершив религиозный долг, он стал готовиться к остановке. Из рта его вырвался звук, без сомнения самый желанный для всех верблюдов страны библейского Иова: икх! икх! — сигнал пасть на колени. Животное медленно повиновалось. Поставив ногу на изгиб тонкой шеи, всадник сошел на плотный песок.

ГЛАВА 2

Встреча мудрецов

Сложение человека, ступившего на песок и представшего нашему взору, оказалось превосходным — он был не очень высок, но весьма силен. Развязав шелковый жгут, удерживавший на его голове кейфие, он отбросил назад волосы, так что стало видно его лицо — с резкими чертами, темное, едва ли не как у негра, хотя широкий лоб, орлиный нос, слегка вздернутые наружные углы глаз, блестящая грива густых, прямых и жестких волос, спускавшихся к плечам, не оставляли никаких сомнений в его происхождении. Так выглядели фараоны, а впоследствии Птолемен³; так выглядел Мицраим, отец египетской расы. Путник был облачен в камис, белую рубаху из хлопка, с узкими рукавами, открытую на груди и достигавшую колен, с вышивкой вокруг шеи и на груди. Поверх камиса была наброшена накидка из коричневой шерсти, сейчас, как, вполне вероятно, и тогда, называвшаяся аба, — верхняя одежда с длинным подолом и короткими рукавами, подбитая изнутри несколькими слоями хлопка и шелка, отороченная золотистого цвета каймой. На ногах красовались сандалии, удерживавшиеся ремешками из мягкой кожи. Камис на талии был стянут кушаком. В глаза бросалось то, что человек был безоружен: хотя он путешествовал в одиночку, а пустыня кишела леопардами, львами да и людьми, не уступавшими хищникам в кровожадности, у путника не было при себе даже изогнутого посоха, используемого для управления верблюдами; из этого мы можем заключить, что дело его было вполне мирное, а также то, что он был необычно отважен либо находился под чрезвычайно могущественной защитой.

Руки и ноги путника, вероятно, затекли после долгого и утомительного пути. Он растер руки, несколько раз топнул ногой и обошел вокруг своего верного слуги, который, прикрыв глаза,

сосредоточенно пережевывал найденный пучок колочки. Делая этот круг, путник несколько раз остановился, всматриваясь из-под ладони в пустынные дали; но всякий раз, когда он опускал ладонь, на лице его отражалось разочарование. Внимательный наблюдатель понял бы, что человек этот кого-то здесь поджидает, и задался бы другим, куда более сложным вопросом: что за дело требовало встречи в столь далеком от обжитых мест?

Но несмотря на разочарование, путник, казалось, все равно был уверен в появлении ожидаемых им людей. Подойдя к паланкину, он вынул из ящика губку и небольшую флягу с водой и промыл глаза, морду и ноздри верблюда; сделав это, путник из того же ящика извлек круг материи в красную и белую полосу, моток веревок и прочную деревянную стойку. Несколько умелых действий — и стойка превратилась в хитроумное устройство из нескольких колен, соединенных между собой подобием шарниров. Вместе они образовали центральную стойку шатра. Когда стойка была воткнута в песок и закреплена растяжками, путник набросил на растяжки материя и в буквальном смысле оказался в доме, пусть меньшем, чем жилище эмиров и шейхов, но вполне приличном во всех остальных отношениях. Затем человек достал из паланкина ковер или квадратный плед и натянул его в качестве боковой стены, закрыв внутренность шатра от солнца. Сде-

лав это, он вышел наружу и еще раз, более внимательно обвел взором окружающее пространство. Оно, за исключением пробежавшего вдали шакала и парившего высоко в воздухе орла, осталось совершенно безжизненным.

Человек повернулся к верблюду и негромко произнес на языке, редко звучавшем в пустыне: «Мы с тобой оказались далеко от нашего дома, о скакун, обгоняющий ветер. Мы далеко от дома, но Бог пребывает с нами. Так будем же терпеливы».

Затем он достал из переметной сумы несколько пригоршней фасоли, засыпал их в торбу, повесил ее под морду верблюда и, отметив для себя, с каким удовольствием тот принялся за еду, повернулся и еще раз обвел взглядом море песка, залитое почти вертикальными лучами солнца.

— Они придут, — невозмутимо произнес он вслух. — Тот, кто ведет меня, ведет и их. Я должен быть готов.

Из карманов на внутренней поверхности шатра и из плетеной корзины, стоявшей в паланкине, он достал приборы и яства для трапезы: блюда из сплетенных пальмовых волокон, вино в небольших кожаных бурдюках, вяленую и копченую баранину, шами — сирийский сорт граната без косточек, сыр, подобный «ломтям молока» библейского Давида, и дрожжевой хлеб. Все это было разложено на ковре под шатром. Рядом с яствами человек положил три больших лоскута белого шелка, которые используются утонченными жителями Востока, чтобы прикрывать колени обедающих гостей. Теперь стало ясно, скольких гостей он ожидал.

Все было готово к встрече. Человек вышел из шатра и застыл на месте: на востоке на ярком золоте пустыни появилось темное пятно. Какое-то время он стоял как вкопанный; глаза его расширились, по коже пробежал холодок. Пятнышко увеличивалось в размерах, стало приобретать определенные очертания. Некоторое время спустя можно было уже различить верблюда, высокого и белого, несшего на спине хунда — дорожный паланкин Индостана. Тогда египтянин скрестил руки на груди и возвел взор к небу.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он со слезами на глазах и с благоговением в голосе.

Подъехавший человек, казалось, только что очнулся от дремы. Он обвел взглядом лежащего на земле верблюда, шатер и человека, стоявшего в молитвенной позе у входа, тоже скрестил руки, склонил голову и прошептал про себя слова молитвы; после чего, немного помедлив, ступил на шею верблюда и сошел на

песок, направляясь к египтянину. Мгновение они смотрели друг на друга; затем обнялись — каждый из них положил правую руку на плечо другого, левой обнимая за спину и прижавшись лицом сначала к левой, а потом к правой стороне груди.

— Да будет мир тебе, о служитель истинного Бога! — произнес приехавший вторым.

— И тебе того же, о брат мой по истинной вере! Мир тебе и добро пожаловать, — пылко ответил египтянин.

Вновь прибывший был высок и худощав, седобородый, с узким лицом и запавшими глазами, кожей цвета бронзы с оттенком корицы. Он тоже был безоружен. Облечение его было типично индусским; поверх тюрбетки большие складки платка образовывали тюрбан; на плечах красовался почти такой же наряд, что и у египтянина, лишь аба была несколько короче, позволяя видеть широкие просторные шаровары, закрывающие колени. Вся одежда была из белоснежного полотна, за исключением шлепанцев красной кожи без задников, с загнутыми вверх носками. От человека исходило ощущение благородства, величавого достоинства и простоты. Вишвамित्रа, величайший из героев и аскетов «Илиады» Востока, получил в нем свое идеальное воплощение. Ему вполне подошло бы имя Жизнь, пронизанная мудростью Брахмы⁴, — Воплощенная Инкарнация. Лишь в глазах индуса оставалось что-то земное и человеческое; когда он поднял свое лицо от груди египтянина, в них блестели слезы.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он, размыкая объятия.

— Да будут благословенны служащие Ему! — ответил египтянин, с изумлением услышавший повторение своих собственных слов. — Но подождем немного, — добавил он, — подождем, потому что приближается еще один.

Они устремили свои взоры к северу, откуда, уже вполне различимый, приближался третий верблюд, такой же белоснежный, как и два первых, покачиваясь, словно корабль на волнах.

Они ждали, стоя плечом к плечу, — ждали, пока новый всадник подъехал, спешился и направился к ним.

— Мир тебе, о брат мой! — произнес он, обнимая индуса.

На что индус отвечал:

— Да исполнится воля Бога!

Последний из прибывших был совершенно не похож на своих друзей; более слабого сложения, белокожий, большая грива

тонких светлых волос увенчивала его небольшую, но красивую голову; в теплом взгляде его темных глаз явственно читались деликатный ум, храбрость и сердечность. Он также не был вооружен. Распахнутые складки тирской накидки, которую он носил с врожденным изяществом, позволяли увидеть подобие туники с короткими рукавами и большим вырезом для головы, стянутой на талии узким поясом и доходящей до колен; шея, руки и ноги были обнажены. Ноги защищали сандалии. Лет пятьдесят, а возможно, и больше пронесли над головой этого человека, почти не оставив следа, только слегка утяжелив его жесты и сделал сдержанной речь. Физическое сложение и могучий дух остались неподвластны годам. Не нужно было слов, чтобы понять, где находилась родина этого человека; так и виделось, что он вышел из оливковых рощ Афин.

Когда его руки, обнявшие египтянина, разомкнулись, последний произнес срывающимся от волнения голосом:

— Святой Дух привел меня первым на место встречи, тем самым повелев мне быть слугой моим собратьям. Шатер раскинут, хлеб уже ждет, чтобы мы его преломили. Позвольте же мне исполнить мой долг.

Взяв каждого из прибывших за руку, египтянин ввел их в шатер, снял с них сандалии и омыл им ноги, слил им воду на руки и вытер чистой материей. Затем, сполоснув свои руки, он произнес:

— Позаботимся же о себе, братья, как этого требует наш долг, и укрепим себя пищей, чтобы мы могли выполнить то, что должны сделать сегодня. Вкушая пищу, мы расскажем друг другу, кто мы такие, откуда пришли и как нас зовут.

Подведя их к приготовленной трапезе, он усадил прибывших так, чтобы каждый из них видел остальных. Все одновременно склонили головы, скрестили руки на груди и в один голос произнесли:

— Отец всего сущего, Боже, то, что мы здесь, — это Твоя воля; прими нашу благодарность и благослови нас, чтобы мы могли продолжать выполнять Твою волю.

С последними словами они возвели взоры к небу, а потом удивленно устремили их друг на друга. Каждый из них говорил на своем языке, никогда не слышанном другими; и все же каждый в точности понял, что было произнесено. Души их затрепетали от неведомого высокого чувства; они непостижимым образом ощутили Божественное Присутствие.

ГЛАВА 3

Говорит афинянин. Вера

Чтобы не оставалось никакой неясности, необходимо отметить, что только что описанная встреча имела место в 747 году от основания Рима. Стоял месяц декабрь, и зима царила на всем пространстве к востоку от Средиземного моря. Переход по пустыне в этот сезон вызывал сильнейший аппетит. Компания, собравшаяся под небольшим шатром, не была исключением из этого правила. Они охотно ели; потом, выпив вина, пустились в разговоры.

— Для путника в чужой стране нет ничего приятнее, чем услышать свое имя, произнесенное устами друга, — произнес египтянин, молчаливо признанный главой застолья. — Нам предстоит провести много дней вместе. Наступило время узнать друг друга. Итак, тот, кто пришел последним, если пожелает, станет говорить первым.

Грек заговорил медленно, словно прислушиваясь к своим словам:

— Я должен сказать вам, мои собратья, что едва представляю, с чего мне начать и что такого особенного я могу поведать вам.

Я до сих пор до конца не понимаю сам себя. Более всего я уверен в том, что я выполняю волю Господа, и эта служба является для меня нескончаемой радостью. Когда я думаю о предназначении, которое я должен исполнить, во мне рождается невыразимая радость оттого, что я знаю волю Бога.

Говоривший замолк, не в состоянии говорить от переполнявших его чувств. Остальные, разделяя их, потупили взоры.

— Далеко к западу от этих мест, — снова начал он, — лежит страна, которую невозможно забыть, хотя бы только потому, что мир слишком многим ей обязан, а также потому, что чувство благодарности относится к тем чувствам, которые наполняют сердца людей чистой радостью. Я не буду говорить об искусстве, ничего о философии, риторике, поэзии, войне: о мои братья, слава ее должна сиять в веках, записанная на скрижалях истории сияющими письменами, которые Он послал нас обрести и провозгласить, сделав известными всему миру. Страна, о которой я говорю, — Греция. Меня же зовут Гаспар, я сын Клеонта из Афин.

— Люди моей страны, — продолжал он, — преданы познанию, и от них я унаследовал ту же страсть. Двое наших философов, величайшие из множества других, учат: один — тому, что каждый человек обладает душой, которая бессмертна, другой же — доктрине Единого Божества, бесконечно праведного. Из множества учений, по поводу которых спорят между собой различные философские школы, я выбрал именно их, как единственно достойные труда постижения; поскольку я убежден — существует связь между Богом и душой, пока еще неведомая. В размышлениях об этом разум доходит до предела, до глухой непроходимой стены; достигшим ее остается только остановиться и возопить о помощи. Так поступил и я; но ни звука не донеслось до меня из-за этой стены. В отчаянии я порвал с городами и школами.

При этих словах мрачная улыбка одобрения осветила исхудавшее лицо индуса.

— В западной части моей страны — в Фессалии, — продолжал свое повествование грек, — есть гора, известная как обиталище богов; именно там расположено жилище Зевса, которого мои сограждане считают верховным богом: гора эта зовется Олимпом. Туда я и направил свой путь. Я нашел пещеру на склоне холма там, где гора эта, тянущаяся с запада, начинает отклоняться к юго-востоку. Там я и жил, предаваясь медитации и ожидая открове-

ния. Веря в Бога, невидимого и вездесущего, я верил также в возможность так возжаждать Его всеми силами души, что Он почувствует сострадание ко мне и даст мне ответ.

— И Он дал — Он дал! — воскликнул индус, вздымая руки из-под шелкового покрывала, покрывавшего его колени.

— Послушайте меня, братья, — произнес грек, с видимым усилием овладевая своими чувствами. — Дверь моего уединенного жилья выходила на Салоникский залив. Однажды я увидел, как с борта вошедшего в залив корабля спрыгнул в море человек. Ему удалось доплыть до берега. Я дал ему кров и заботился о нем. Он оказался иудеем, знающим историю и законы своего народа; от него я узнал, что Бог моих молитв воистину существует и много лет был законодателем, правителем и царем этого народа. Что это было, как не то самое Откровение, о котором я мечтал? Вера моя была не бесплодна, Бог дал мне ответ!

— Как Он дает его всем, кто взывает к Нему с такой верой! — произнес индус.

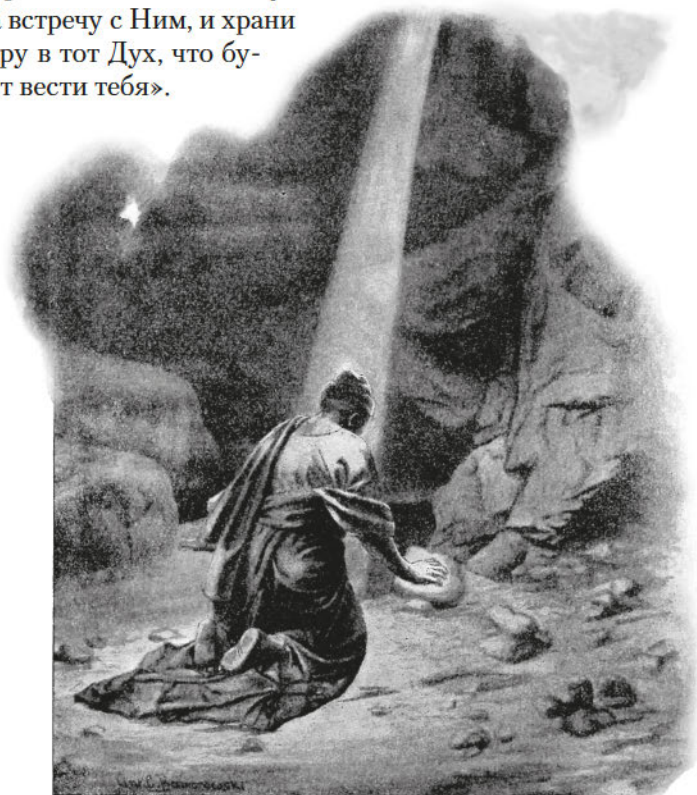
— Но, увы, — добавил египтянин, — сколь мало мудрецов, постигающих Его ответ им!

— Это еще не все, — продолжал грек. — Человек, посланный мне, рассказал нечто большее. Он поведал, что пророки, которые за время, прошедшее с первого откровения, имели счастье видеть Бога и говорить с Ним, утверждали, что Он снова придет в наш мир. Человек этот поведал мне имена пророков, а из священных книг я познал их язык. Еще он рассказал, что второе пришествие уже наступает — и вот-вот произойдет в Иерусалиме.

Грек прервал свой рассказ, и оживление сошло с его лица.

— Истинно также то, — произнес он после краткого молчания, — истинно также — человек этот сказал мне, что Бог и откровение, о котором он поведал, предназначены только для иудеев. Тот, кто придет, станет Царем Иудейским. «И у Него нет ничего для остального мира?» — спросил я. «Нет, — был ответ, произнесенный гордым тоном. — Нет, поскольку именно мы — Его избранный народ». Ответ этот не сокрушил мою надежду. Почему такой Бог должен ограничивать Свою любовь и благодеяние одной страной и, более того, одним племенем? Я продолжал свои расспросы. Наконец мне удалось сломить гордость этого человека и узнать, что отцы его народа были всего лишь выбранными в качестве служителей, которые должны были хранить

Истину с тем, чтобы мир мог в конце концов познать ее и быть спасен. Когда же иудей ушел, оставив меня, я укрепил свою душу новыми молитвами — чтобы мне было позволено увидеть Царя, когда Он явится миру, и поклониться Ему. Однажды ночью я сидел у входа в мою пещеру, пытаясь полнее познать тайну моего бытия: ведь познать ее — значит познать Бога; внезапно в море, расстилавшемся внизу, или, скорее, во мгле, скрывавшей море, я увидел вспыхнувшую звезду. Медленно она поднялась над горизонтом и остановилась над холмом и моей дверью, так что ее свет воссиял мне прямо в глаза. Я пал ниц и уснул, и во сне я слышал голос, произнесший: «О Гаспар! Вера твоя одержала победу! Да будешь ты благословен! Вместе с двумя другими иди до самого края земли, и там ты узришь Того, Кто был обещан, и будешь свидетелем Его и сможешь свидетельствовать о Нем. Утром же восстань, и ступай на встречу с Ним, и храни веру в тот Дух, что будет вести тебя».

КНИГА ПЕРВАЯ

И поутру я проснулся в духе столь светлом, что он затмевал свет солнца. Я сбросил свое рубище отшельника и оделся как в былые времена. Из тайника я достал сокровища, которые принес с собой из города. Вдоль берега шло судно. Я дал ему знак, был принят на борт и сошел в Антиохии. Там я купил верблюда и все необходимое для путешествия. Мимо садов и огородов, покрывающих берега Оронта, я добрался до Эфеса, Дамаска, Басры и Филадельфии, а оттуда сюда. Такова, о братья мои, моя история.

ЛЮ УОЛЛЕС

БЕН-ГУР

Ответственный редактор Екатерина Дубьянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректоры Наталья Бобкова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 20.05.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 44,1 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-35137-01-R